

1 ЯТЬ РАЗ Уильям Сароян бывал в нашей стране. Последнее его путешествие длилось месяц: Рига и Ленинград, Москва и Ереван, дороги Армении и морские прогулки в Одессе... Когда-нибудь я подробно напишу об этом. Сейчас же расскажу одну историю, которую Сароян, любивший нашу страну, вспоминал с улыбкой. Расскажу, называя всех действующих лиц подлинными именами.

С АРОЯН давно мечтал побывать в Занзезуре. «Только и слышишь, что патриархальная Армения осталась в Занзезуре», — говорил он, — непременно надо поехать!». И мы поехали. В машине нас было четверо: Уильям Сароян, Соро Ханзадян, Ваагн Давтян и я. Ехали через районы Араратской долины поздней осенью. То справа, то слева, то спереди показывалась двуглавый Аарат. Порой величественная гора так близко вырастала перед нами, что казалось, ты взираешь на нее. Собственно, так оно и есть. Мы ехали на высоте примерно тысячи метров над уровнем моря. А вершина горы — чуть больше пяти тысяч метров. Словом, мы ехали по склону горы. Сароян разговаривал очень громко и хохотал.

Поднимаясь по Советашенскому перевалу, Сароян повернулся ко мне и спросил — Когда и где мы остановимся?

— В Ехегнадзоре, — ответил я и протянул карту республики.

Карта очень обрадовала Сарояна. Он отметил вслух, что любая поездка с картой получается какой-то осознанной, а потому и приятной. Потом он стал по слогам выговаривать: «Е-хег-над-зор».

— Там мы и перекусим, — сказал Ваагн Давтян. — Кстати, там нас встретит Мартун. Он зять Соро Ханзадяна.

— Зять — это хорошо, — вставил Сароян, — моя дочь этого не хочет понять. А то бы давно вышла замуж. Вот и нет у меня до сих пор зятя. Это хорошо, что мы будем гостем у зятя самого Соро. А как там с нашей проблемой?

Последний вопрос был задан мне. Никто из присутствующих, кроме меня, не знал сути и смысла этого вопроса. Еще в Риге (или Ленинграде) американский писатель признался, что у него накопилось очень много вопросов, и часть из них все-ленского масштаба. А вот проблема — одна. Слово «проблема» он всегда произносил по-английски. Произносил и хохотал. Речь шла о чае.. Сароян, ничуть не желая обидеть хозяев, с удивлением сказал, что у нас в стране проблема попить чайку. Проблема именно в том, что человек не может выпить чайку чаю тогда, когда ему этого хочется. Не то в Риге, не то в Ленинграде я довольно лихо решила эту проблему: купил огромный ярко разрисованный термос и назвал его «Нет проблем». Причем эти два слова я всегда произносил тоже на английский лад. Сейчас, по дороге в Занзезур, я, к сожалению, не взял с собой термос. Собственно, мне и в голову не приходило, что он понадобится. Как-никак мы дома. И я ответил на его вопрос традиционным: «Ноу проблем». Сароян широко улыбнулся. Он хотел чаю. И верил, что чаю будет.

Нас встретили руководители района. У самой дороги стояла небольшая группа людей. Приветствовали друг друга. Говорили по принципу: каждый уверен, что слушают только его. Рядом, совсем рядом текла река. Сароян обратил на нее внимание и спросил:

— Как река называется?
— Арапа.
— Та самая...
— Та самая, которую ждет Севан.
— Я должен ополоснуть лицо этой водой.

Идея понравилась всем. И гурбой направились к Арапе. По дороге, улучив момент, я спросил Мартина Айрапетяна: «Как там с чаем?» Он улыбнулся, провел рукой по моим плечам. Весь его вид говорил только об одном: мол, можешь не волноваться, все будет в порядке. Не преминул перечислить блюда предстоящего меню. Я был голоден и от одних только названий почучивал волчий аппетит. «И все-таки главное для старика чай», — сказал я, — ты там распорядись». Он опять улыбнулся и громко добавил к списку меню: «Будет тебе хоть целая бочка чаю». Я хотел было вставить: мол, бочки не нужно. Хотя бы стакан. Но промолчал. Неловко как-то мне стало. Вдруг и в самом деле все здесь у людей учтено до мелочей, а я тут лезу назойливо со своим предложением.

В какой-то момент мы оказались с Сарояном рядом, и я громко сказал: «Ноу проблем». Могучий сарояновский хохот заглушил шум Арапы. Смех был заразителен. И засмеялись все.

С ТОЛ БЫЛ действительно как на картинке. Более двух часов довольно изнурительной дороги сделали свое дело: ужасно хотелось есть. Но я все-таки напомнил хозяину, что для полноты настроения нужен стакан крепко заваренного чаю. В ответ опять получили чарующую улыбку хозяина. Она, по-видимому, означала: «Вохч линек!» («Ваше здоровье!») и... да будет тебе чай тоже.

Гости расхваливали непроторимую речную рыбку. Форель. Речная форель раз мерами куда меньше, чем севанская. Но вкуснее. Правда, это, наверное, именно тот самый случай, когда можно сказать: «О вкусах спорят». Ибо армяне всегда спорят, когда речь идет о вкусовых качествах севанской и речной форели. Спорили и за нашим, ехегнадзорским столом. Молчал лишь Сароян. Несколько раз яловил его вопросительный взгляд. По опыту знал: старики хотят чай. Я тихо сказал: «Ноу проблем». Но он уже не смеялся. Он уже перестал есть. А блюда все носили и носили. Я довольно раздраженно и громко спрятался от чая. И тотчас же извинился за свой тон. Но чай еще не было. Наконец не выдержал и вышел из-за стола. Взошел в святая святых всех ресторанов — на кухню. И мне стало плохо. На огромной плите, стояя огромный чайник. Судя по росинкам-бусинкам на крыше — вода в нем была еще холодная. Я прикинулся: чайник закипел через час, а то и два. А мы хотим и волнистые птицы, путешественники, но все же находимся во власти графика. Уже через час должны быть в Джермуке. Там нас ждут. Предупреждены. Неудобно спаздывать. Поварам я предложил, если можно, выпить почти всю

я уже не помню, что был за сюрприз. Кажется, огромные, как футбольные мячи, шары кюфты. Не помню. Помню лишь, что чай появился где-то к полуночи. Появился после того, как раздосадованный и порядком наизнанку Сароян уже вышел из-за стола и отправился спать.

ПО ГРАФИКУ на следующее утро мы должны были продолжить маршрут в сторону Гориса. В сердце Занзезура. Джермукские отцы города знали о нашем расписании и потому рано утром пригласили на завтрак. Пращальны завтрак. Я почему-то был уверен, что после вчерашней оплошности непременно, как только сядем за стол, подадут чай. Уже пошли прощальные тосты в честь высокого гостя и сопровождающих его лиц, но чай еще не было. Напряжение нарастало. Нужно уходить. Плохо было не только пожелавшему от «бесчайевой» диеты Сарояну. В конце концов все мы дети одного века. А гоняя век каждый по утрам пьет наследственный чай, заведя его то крохотным бутербродом, то ложкой другой творога со сметаной. И больше ничего. И так до обеда. В конце концов не только знаменитому писателю из Америки, но и знаменитому писателю из Советской Армении

взад-вперед людей. Не успели остановиться, как, словно из-под земли, выросла перед нами дюжина добрых молодцев. У каждого доброго молодца в руках было по дюжине длинных шампуров с готовым уже шашлыком. Откуда-то из тумана, словно на фотобумаге, проявился еще один дюжинный молодец. У этого в руках был бочонок и граненый стакан. Сароян засиял. Он все еще не выходил из машины, опустил стекло дверцы и с жадностью посмотрел на бочонок. Потом перевел взгляд на меня и спросил: «Цистерна? Я улыбнулся. Ваагн Давтян сказал: «Настоящая цистерна». Добрый молодец тем временем ловко наполнил граненый стакан жидкостью соломенного цвета. Поднес его Сарояну. Я заметил, как на поверхности соломенной жидкости по кругу расположились крохотные бусинки. Нет сомнения — туторская водка. Крепость от шестидесяти пяти до семидесяти трех градусов.

Сароян отвел руку доброго молодца, отвернулся лицом от пахучих шашлыков, которые ворвались у самого носа. Он жалобно посмотрел на меня: где же твоя цистерна? Цистерны, как выяснилось, не было. Не было и крохотного чайника или термоса. Чай, как нам сказали, будет вечером дома, где накрыт праздничный стол для дорогих гостей. А пока — пир прямо на дороге. Пока нужно устроиться здесь же, рядом, в домике, специально построенным для дорогих гостей. Вид у дома современный. Даже романтичный. На берегу озера. Только вот в домике холод сорбачий и ни капли горячей воды. Узнав все это, Сароян решительно направился к машине.

Тщетно я пытался уговорить старика. Я говорил, что так неудобно — его ждут люди. В Горисе, в Татеве. Напомнил, что неловко и перед Соро Ханзадяном. Как никак его родина. Но старики были неумными. Он только, не глядя мне в глаза, прощедил сквозь свои белые легендарные усы: «Соро меня простит. Я как-нибудь извинюсь перед ним. А сейчас — ехать!» Теперь уже мы с Ваагном Давтяном думали не о Сарояне, а о Ханзадяне. Действительно, неловко все вышло. Но, с другой стороны, и я, и Давтян, который знал Сарояна больше моего, хорошо понимали, что вопрос уже решен. Не раз бывало, когда Сароян, как говорится, выкидывал подобные фокусы. Он мог в разгар вечера, застолья встать и уйти. Не нравится, скажем, как подолгу болтают за столом, и уходит прочь. А бывало, уходит только потому, что кто-то из гостей ему не нравился. Както он выставил из машины называвшего путника. Я пытался объяснить ему, что так поступать нехорошо. Он возражал. Говорил, что нехорошо подчинять себя кому-либо и подчинить себе кого-либо. Словом, мы уже знали, что нужно ехать дальше. К нашему удивлению, если не сказать к нашей радости, Соро Ханзадян поддержал решение Сарояна. И поступил мудро. Он сказал: «В Горис нельзя выехать с плохим настроением». Я спросил: «А в Кафанд?» Он ответил: «До Кафана еще есть время, что-нибудь придумаем».

Но я решил «придумать» не в дороге. Вновь взялся за телефон. Однако не хочу повторяться. Оказалось, своим предложением оскорбляя кафандцев. Они, правда, ждали нас завтра, но раз нужно сегодня, значит, нужно.

К ИЛОМЕТРОВ за двадцать нас остановили Вереница машин в сопровождении ГАИ. Все было. И улыбки, и четкие команды Рафаэля Минасяна — нашего радушного хозяина. И добрые глаза кафандцев. Все, кроме желанного чая. Не было чая и в самом Кафанде, когда, устроившись в гостинице с горячей водой, мы сидели за столом. Громко разговаривали и аппетитно ели, как это не раз было, только хозяева. Прошел час, а чая все еще нет. Я поднял шум. И обратил внимание, как удивлялись и недоумевали официанты и повара, прибывшие на шум. Они явно не понимали нас. Что, собственно, случилось? Дескать, мы и так трушимся в поте лица. Стараемся. Делаем все, чтобы угодить. Посмотрите, какие отменные блюда. Какой вообще сервис. Мы даже официанта нашли, который владеет английским. А тут вдруг из-за какого-то трехкопеечного чая такая ажиотаж. Так много шума из ничего.

Наконец подали чай. Надо отдать должное кафандцам: чай был отличный. Сароян пил жадно, едва касаясь губами горячего стекла. Он выпил подряд три стакана. И ожил на глазах. Порозовели щеки. Появился блеск в хмурых глазах. Он стал шутить. Перекинулся несколькими словами с официантом, владеющим английским языком. Потом, улыбаясь, предложил ему говорить только на армянском. Так понятнее. Взял рюмку с «Наири» и произнес то за Соро Ханзадяна.

Он залпом осушил рюмку до дна. Протер белой салфеткой белые, как снег, усы. Весь какой-то бодрый и живой, повернулся ко мне, подмигнул, громко произнес: «Ноу проблем!» — и заразительно расхохотался.

Зорий БАЛАЯН

Об одном обыкновенном путешествии и удивительных приключениях, которые встретились в пути

воду из чайника, оставил стакан на два. На что мне ответили: «Не беспокойтесь, подадим шашлык, а потом кашламу, пейте, а к тому времени чай будет готов». Когда я вошел в шумную комнату, где произошло очередное тост, Сароян понял по всему моему виду, что «проблема есть». Он подмигнул мне. Улыбнулся. Дал понять: не переживай, то, что сейчас нет чая, — еще не самое страшное на гречной земле.

До Джермуга ехать каких-нибудь полтора часа. Сароян то и дело разворачивал карту и вглядывался в наш маршрут. После обильного стола уже не так хотелось болтать, как раньше. Но все же разговор не затухал. Как-никак четыре пассажира да еще шофер. Каждый скажет по фразе — уже беседа. По дороге мы остановились у входного портала тоннеля Арапа — Севан. Показали гостю то самое место, которое скоро станет дном Кечутского водохранилища. Кто-то заметил, что к нам приближается вереница машин. Соро Ханзадян сказал: «Это местное начальство. Видать, беспокоятся, что опаздывают». Так оно и было. Местное начальство. Среди них был председатель горисского полка Джермуга Завен Вартанян. Я его знал давно. Пока знакомились, пока суд да дело, я схватил за руку Вартаняна и отвел в сторону: «Прошу тебя, слушай меня внимательно. Как только приедем в город, организуем чай». Бог мой, что тут было! Оказалось, я своим предложением просто-напросто оскорбил самих джермукцев, известных всему миру своим редкостным гостеприимством. Председатель так и сказал: «Не о чем беспокоиться. И вообще знаю: вы в Джермуге, а не где-нибудь там...» Он, правда, так и не сказал, где именно «там».

Сели за очень широкий овальный стол. Он был накрыт со знанием дела. Не было только... чая. В основномели хозяева. В отличие от нас они были страшно голодны. Говорили длинные речи. Приводили цифры, иллюстрирующие экономические успехи края. Гость, ради которого, собственно, все это было организовано, уже не только не ел, он не был в состоянии слушать. Ему явно было плохо. Семьдесят лет. Как-то заговорили о болезнях, и Сароян, зная, что я врач, стал расспрашивать о симптомах желудочно-кишечных заболеваний. На мой вопрос, не болеет ли он сам, Сароян ответил: «У нас в Битлисе просто запрещается выставлять на вид собственные болячки. Так что я нормален. Могу лишь сказать: я здоров, как бык, и дряхл, как развалина».

Я не вытерпел. Выскочил на кухню. Но меня остановили. Вернули назад, сопровождая приговорением: «Ай, ай, ай! Да разве так можно! Ай, ай, ай! Разве можно гостя беспокоить! Это же Джермуг. Все будет! И чай будет! И кофе будет! Мы еще кашламу не подали. У нас ведь еще есть сюрприз. Ай, ай, ай!!!»

Соро Ханзадян, знаменитому поэту Ваагну Давтяну и всем нам хотелось всего лишь стакан хорошо заваренного чая. А речи тем временем текли и текли. И вот в это самое время, когда по всем законам природы стресса должен был произойти вспышка, шок, в зал вошел небритый детище и громко спросил: «Чай или кофе?» Все замерли. Соро Ханзадян, не поднимая головы, процедил: «И пива тоже!»

Когда мы уже выходили из зала, на встречу несли на подносах чашечки и стаканы в подстаканниках. Я обратил внимание, что кофе был густым и черным, как смоль. Чай же был светлым, прозрачным. Перед тем как отправиться в дорогу, я решил позвонить в Горис. И пока гости знакомили с достопримечательностями Джермуга, я ждал у телефона. Наконец послышался протяжный международный звонок. К счастью, трубку взял человек, от которого многое зависит в районе. Арам Арутюнян. Я обрадовался. Теперь, думаю, действительно «ноу проблем». И я говорил в трубку бодрым, радостным голосом. Просил, чтобы наше приезду корганизовали чай». Чай, и больше ничего. Бывает же стол, на котором стоят красивые фарфоровые чашки с ароматным чаем. Сахар, конфеты, десерт. Это же так здорово и так просто! Арам Арутюнян слушал меня, как я чувствовал, невнимательно. Он часто перебивал и давал совсем не те вопросы. Например: «Что он больше любит пить — тутовую или кизиловую?» На этот вопрос я, помнится, ответил: «Чай». И сразу почувствовал, что на другом конце провода на меня обиделись: «Да за кого ты в конце концов нас принимаешь? Какой еще чай?» Будет тебе цистерна чая». Но я не успел сказать, что цистерна чая не нужна. Все-таки по стакану чаю. Постыдился гудки.

Мы спешили в Горис. По серпантину взирались на вершину перевала, то спускались в долину. Моросил дождь. «Дворники» ритмично чистили ветровое стекло машины. Временами, особенно на самом перевале, нас окутывал густой туман, который рассеивался при спуске. Настроение было подавленное. Пытались шутить — ничего не выходило. Как бы наш гость ни старался скрыть свой недуг — ничего не выходило. Он улыбнулся. Но заметил, что ему не по себе. Я признался, что позвонил в Горис и что нам обещали цистерну чая. Сароян смеялся. И сказал, что своей рукой напишет на цистерне: «Ноу проблем».

ЗА ОЧЕРЕДНЫМ поворотом показались легковые машины, бессистемно разбросанные у дороги, словно кости домино на столе. Расстояние между нами и машинами сокращалось с каждым мигом. Несмотря на моросящий дождь и дымку, мы увидели снующих